



УДК 316.35; 316.34; 316.334.2

## ПРЕОДОЛЕНИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ В СФЕРЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

**В. Э. СМИРНОВ<sup>1)</sup>**

<sup>1)</sup>*Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,  
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь*

Рассматривается кризисная ситуация в белорусской экономике и пути выхода из нее с точки зрения поиска социальных сил и их социальной базы, способных через социальный интерес включиться в экономические преобразования. Придерживаясь в целом государственнической платформы, автор обращает внимание на ее недостаток, который заключается в исключительно аппаратном характере предлагаемой экономической стратегии. Предлагается включить в программу экономической стратегии социально-экономические механизмы и идейное наполнение, отвечающие как интересам развития материального производства в целом, так и интересам социальных групп, участвующих в нем. По мнению автора, основной путь активизации означенных социальных групп – это преодоление отчуждения в сфере материального производства за счет кардинального усиления влияния трудовых коллективов на процесс его организации и управления и, соответственно, ограничение всевластия бюрократии. Говоря об экономике современной Беларуси и стран постсоветского пространства, автор имеет в виду возможность и необходимость так называемого рабочего участия в управлении.

**Ключевые слова:** экономическая стратегия; отчуждение; бюрократия; труд; гуманизация труда; рабочий класс; буржуазия; трудовые коллективы; материальное производство; управление; социальные интересы; «рабочий контроль».

---

### Образец цитирования:

Смирнов В. Э. Преодоление отчуждения в сфере трудовой деятельности как способ формирования социальной базы новой экономической стратегии // Социология. 2016. № 2. С. 96–106.

### For citation:

Smirnov V. E. Overcoming alienation at workplace as a way to form social basis of a new economic strategy. *Sotsiologiya*. 2016. No. 2. P. 96–106 (in Russ.).

---

### Автор:

**Виктор Эдуардович Смирнов** – кандидат социологических наук; старший научный сотрудник сектора социологии села Республиканского научно-исследовательского центра социологического мониторинга.

### Author:

**Victor Smirnov**, PhD (sociology); senior researcher at the department of rural sociology of the Republican research center of sociological monitoring.  
[smirnoffv67@gmail.com](mailto:smirnoffv67@gmail.com)

## OVERCOMING ALIENATION AT WORKPLACE AS A WAY TO FORM SOCIAL BASIS OF A NEW ECONOMIC STRATEGY

V. E. SMIRNOV<sup>a</sup>

<sup>a</sup>*Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus,  
Surganova street, 1, building 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus*

The crisis situation in the Belarusian economy and ways out of it is considered from the viewpoint of a search for social forces and their social basis which due to their social interest are able to be engaged in economic reforms. Adhering to the statist platform in general, the author draws attention to its disadvantage – the entirely hardware nature of the suggested economic strategy. The socio-economic mechanisms and ideological content that meet the interests of both the development of material production as a whole and interests of social groups involved in it are suggested to include into the program of economic strategy. In the author's opinion, the main way of making these social groups active is to overcome alienation at material production at the expense of labor collectives' growing influence on the process of its organization and management that results in corresponding limitation of the scope of bureaucratic absolute power. When the economy of modern Belarus and post-Soviet countries is spoken about, the possibility and necessity of worker participation in management is implied

**Key words:** economic strategy; alienation; bureaucracy; labor; humanization of work; working class; bourgeoisie; labor collectives; material production; management; social interests; «workers' control».

В последнее время в стране активизировалась полемика о том, что же в настоящее время должно являться основой динамично развивающейся экономики – государственная собственность на основные ресурсы и, соответственно, системное государственное управление или приватизация государственной собственности и жесткие законы рынка? Появились монографии, статьи и адресованные органам высшей власти доклады, обосновывающие позиции государственных и рыночников, на эту тему проходят дискуссии и общественно-политические шоу на телевидении, подключились к данной проблеме и ученые. Знаковыми программными публикациями в этом обсуждении выступили, с одной стороны, работа К. В. Рудого, предлагающая классические либеральные рецепты функционирования финансовых институтов и экономической системы в целом [1], с другой – монография М. В. Мясниковича [2], в которой состояние экономики страны и перспективы ее развития рассматриваются с государственных позиций. Конечно, ни та, ни другая точка зрения не имеет в виду противостояние рынка и его альтернативы – социалистического планирования. Обе позиции есть разные подходы к организации рыночной экономики. Однако если подход К. В. Рудого демонстрирует нам классическую либеральную парадигму, где узловыми моментами становятся открытие рынков, ориентация на желаемые, а не существующие рынки сбыта, валютно-финансовая политика, основанная на независимости финансовых институтов от государственных органов, а также масштабная приватизация и сокращение социальных функций и обязательств государства, то подход М. В. Мясниковича, скорее, можно назвать прагматическим.

В рамках этого подхода будущее белорусской экономики рассматривается в контексте укрепления интеграционных связей в ЕвразЭС в целях создания экономических объединений, способных конкурировать с международными транснациональными корпорациями. При этом роль государственного участия и поддержки, в определенном смысле «ручного управления», должна оставаться достаточно высокой. Цели определяют средства как в сфере налогов и тарифов, так и финансов. Не отказываясь от попыток завоевать новые рынки, основной остается ориентация не на желаемые, а на реально существующие рынки.

Но различия предложенных проектов этим не ограничиваются. Нужно отметить, что позиция К. В. Рудого, базирующаяся на либеральных социально-экономических представлениях, кроме чисто экономического содержания, несет и определенный идейный пафос, что позволяет автору обращаться к конкретным социальным группам, способным, по его мнению, составить социальную базу предлагаемых реформ.

Позиции же М. В. Мясниковича присущи акцентированный прагматизм и инструментализм, которые, наряду с достоинствами, обладают серьезным недостатком. Указанный подход не основывается на внятной социальной идеологии.

Соответственно, автор не обращается к конкретным социальным общностям, не предлагает проект, способный удовлетворить интерес тех или иных групп, а по существу, не заручается поддержкой социума, не создает социальную базу для реализации своей программы. В этом смысле позиция М. В. Мясникова имеет аппаратный характер – в этом и заключается ее слабость.

Как видим, проекты экономического развития страны имеют не только экономическое содержание. Важной составляющей является их идейное, социальное, человеческое измерение, что ставит перед лицом гуманитарной общественности вопрос: почему, несмотря на следование надежной, привычной государственнической позиции в стратегии развития экономики, реформы в стране «пробуксовывают»? Может быть, либеральные правила организации экономики более эффективны, тем более что для этого предположения есть основания – конкретные примеры в мировой экономике?

В связи с этим имеет смысл обсудить возможные пути решения проблемы в условиях экономической ситуации в Беларуси (в принципе, данные рассуждения касаются и России). На наш взгляд, ситуация не утешительная, более того, большинство негативных факторов, которые отражаются на жизни людей, действуют наиболее жестко именно на нижних ступенях социальной лестницы. Вряд ли продуктивно рассуждать об объективных для Беларуси факторах, таких как падение основных рынков сбыта белорусской промышленности, в частности российских, так как для самой России причина экономической стагнации состоит не столько во всем известных внешних условиях, сколько в нерешенных внутренних проблемах. Конечно, можно говорить о санкциях и падении курса рубля, вызванного снижением цен на нефть, однако, по идее, эти обстоятельства должны были привести к экономическому буму, связанному с импортозамещением, что и для Беларуси послужило бы основанием для экономического подъема, пусть и при некотором падении доходов граждан в долларовом выражении. Ничего подобного не происходит, и вместо экономического бума мы видим стагнацию.

Хотелось бы обратить внимание на проблему, являющуюся в некотором смысле табуированной, находящейся вне подозрений, в частности связанную с управлением в сфере общественного производства, причем с точки зрения презумпции здравого смысла и профессионализма. Было бы ошибкой считать руководителей предприятий и организаций в массе своей невежественными глупцами, которые совершенно не разбираются в своем деле, не профессиональными и откровенно не соответствующими современным требованиям (незнание принципов маркетинговой деятельности, неумение продать товар, пользоваться рекламой и т. п.), на что часто кивают «диванные критики» текущего состояния дел. Нет. Вовсе нет. На самом деле необходимо проанализировать объективные социальные причины, по которым вполне разумные и здравомыслящие управленцы ведут дела так, как они их ведут сегодня.

Начнем издалека. Еще в конце 1990-х гг. Беларусь выбрала путь экономического развития, связанный с отказом от катастрофической либерализации экономики, ликвидации целых секторов промышленности, что помогло избежать обеднения большинства населения. Основные производственные фонды не были приватизированы или были приватизированы частично и оставались под контролем государства, что позволило сохранить белорусскую экономику как единый народно-хозяйственный комплекс. И это решение было оправданным. Это дало возможность в течение многих лет обеспечивать рост белорусской экономики, высокий уровень занятости и социальных гарантий.

К сожалению, со временем стали проявляться и недостатки выбранного пути экономического развития. Если раньше бюрократическая вертикаль, будучи главным субъектом управления экономикой, гарантировала связность социально-экономической системы государства, то очень скоро недостатки ее лидирующего положения стали перевешивать плюсы ее деятельности. Справедливости ради следует отметить, что бюрократия есть необходимый элемент в управлении обществом; она существует в любом современном социуме и выполняет функции, без которых общество неминуемо бы распалось. Однако нужно понимать, что и бюрократия имеет границы своих полномочий, так как не является субъектом

экономических, политических, социально-культурных и идеологических процессов. Она, как поется в известной песне из кинофильма Э. А. Рязанова «Забятая мелодия для флейты», «ничего не создает, не производит и в конечном счете не решает». Суть в том, что бюрократия может и должна быть не более чем инструментом власти какой-либо социальной силы, выполняя в обществе конкретные, строго определенные функции. В классических капиталистических обществах бюрократия выполняет волю господствующего класса. То есть она не подкуплена, не коррумпирована господствующим классом, а подчинена ему в рамках механизмов буржуазного государства, выполняет его волю и отчитывается перед ним. В СССР над бюрократией стояла коммунистическая партия, которая определяла цели и ставила задачи, а затем контролировала их выполнение. Во всяком случае так было задумано и достаточно долгое время происходило. Постепенное сращивание советской бюрократической и партийной систем (так называемая «бюрократизация партии») стало одним из факторов позднесоветского кризиса.

В Беларуси же усиление статуса бюрократии привело к тому, что она оказалась неподконтрольной никому, кроме как лично президенту. Но президент, как личность (это не социальный слой или класс), просто не в состоянии контролировать такую мощную систему, как государственная бюрократия. Поэтому все попытки дебюрократизации в стране свелись не к качественному изменению роли бюрократии в стране, а к чисто количественному урезанию штатов, причем, как правило, среди представителей низших уровней бюрократической лестницы. В результате достигнут, скорее, обратный эффект – бюрократия через отбор и допуск кадров, информации оказалась в состоянии окружить любого лидера, пусть мягким и не очень заметным (но от этого не менее глухим и непроницаемым), барьером, отделяющим его от общества.

Вследствие сложившейся ситуации бюрократия перестала получать цели своей деятельности извне, перестала быть инструментом конструктивных социальных сил. Однако, как уже отмечалось, проблема заключается в том, что самостоятельно определять цели своей деятельности бюрократия в принципе не способна. В ее структуре нет таких механизмов. Деятельность бюрократии в целом имеет только одну цель – самосохранение, а цель каждого элемента бюрократической системы связана с движением по иерархии. Ни прибыль, ни экономическая эффективность, ни уровень жизни населения, ни построение более совершенных социальных или политических отношений не являются и не могут являться целями бюрократии, именно потому, что по своей сути бюрократия есть не более чем инструмент.

Все это приводит к острейшим коллизиям в управленческой сфере, в первую очередь в управлении экономическими субъектами хозяйствования. Эта проблема обусловлена противоречием между социальными интересами групп, участвующих в управлении, и нуждами управляемых объектов, определяемыми их общественной функцией. Такая ситуация чревата появлением и обострением отчуждения управляющего субъекта от управляемого объекта. В связи с этим коллизии бюрократического управления необходимо рассматривать в гораздо более широком контексте, который мы связываем с проблемой отчуждения.

Отчуждение (на уровне социологического рассмотрения) применительно к производственной системе всего общества и конкретным институтам и организациям, осуществляющим это производство, заключается в том, что те или иные социальные группы, участвующие в производстве, отчуждаются от него в своей конкретной трудовой деятельности. Проанализируем это несколько тавтологическое высказывание. Например, в капиталистическом обществе рабочие заведомо отчуждены от производства, ибо их участие обусловлено ничем иным, как продажей своей способности к труду. Они должны с определенной интенсивностью в течение определенного времени совершать определенные физические движения, расходуя свои нервные и мускульные силы, при этом ничего большего от них не требуется. В рамках капиталистической системы организации производства им нет необходимости интересоваться ни сутью производственного процесса в целом и, соответственно, смыслом своей деятельности в рамках этого процесса, ни судьбой конечного продукта – рабочий не имеет к нему никакого отношения, ибо этот продукт принадлежит капиталисту.

Конечно, описанная нами картина отчуждения рабочего класса есть не более чем концепт. На самом деле человеку очень сложно трудиться, будучи полностью отчужденным от смысла своего труда, да и организовать производственный процесс, задействуя полностью отчужденных от своей деятельности работников попросту невозможно. Примером этого является так называемая «итальянская забастовка», когда работники начинают действовать строго по инструкциям и писанным правилам, в результате чего всякая деятельность организации останавливается. Однако этот концепт в достаточной степени описывает сущность проблемы отчуждения в сфере производства, позволяя применять его в научных целях.

Нужно отметить, что отчуждение может проявиться не только в процессе непосредственного производства, но и в сфере управления им. Однако выглядит это несколько иначе. Понятно, что управленец не может быть нанят так же, как и рабочий. Казалось бы, его труд по самой своей сути не может быть отчужден от производства, ибо смысл трудовой деятельности управленца заключается в организации производственного процесса. Так в чем же может выражаться отчуждение труда управленца? В том, что цели и задачи его деятельности расходятся с теми целями и задачами, для достижения и решения которых и предназначена производственная функция как таковая. Производство (промышленное, сельскохозяйственное, услуг и т. д.) имеет вполне понятную функцию – в первую очередь это воспроизводство материальных условий существования общества. В дальнейшем на базе и в процессе этого воспроизводства строятся социальные связи и отношения, создаются идеи и духовные ценности, нормы, символы и т. д., осуществляется производство самих людей как общественных индивидуумов. Остановимся на первой и самой элементарной функции. Воспроизводство материальных условий существования общества есть на практике создание предметов, в которых люди нуждаются для поддержания своей жизни как индивидуального, так и родового существа, причем в разумном сочетании цены/качества, т. е. затрачиваемых ресурсов на производство вещей и их потребительских свойств.

Человек (социальная группа), занимающийся управлением производства, должен ставить себе соответствующие цели в своей деятельности. Однако еще на заре человеческой цивилизации в рамках системы социальных отношений, которые зародились в процессе развития материального производства и одновременно организовывали его, появились социальные институты, в которых цели этого производства получили превращенный характер. Речь идет о товарном производстве, в котором продукты материального производства предстают в форме товаров, т. е. созданы для обмена. Таким образом, целью производственной деятельности для организатора этого процесса становится создание не тех продуктов, которые наилучшим образом удовлетворяют потребности людей, а тех, которые на рынке можно поменять на другие или продать максимально выгодным образом относительно затраченных на их производство ресурсов. С появлением товарного производства начинается история отчуждения в системе материального и в целом общественного производства.

Таким образом, отчуждение в материальном производстве есть институциональный разрыв между целями и смыслом деятельности человека (социальной группы), участвующего(-ей) в производственном процессе, и теми целями и смыслом, которые определяются самой функцией материального производства в обществе.

Вернемся к бюрократии и бюрократическому управлению. Проблема современного состояния материального производства в Беларуси заключается в том, что по мере консолидации бюрократии и осознания ею своей власти, усиливалось и отчуждение управляющего класса от управляемой им системы. В ситуации, когда отсутствует внешнее целеполагание, цель каждого элемента бюрократической системы связана с движением по бюрократической иерархии, что и предопределяет отчуждение элементов бюрократической системы управления от объектов управления. Цели деятельности всех элементов бюрократической системы не связаны с экономическими задачами, система управления экономическими подсистемами на самом деле отчуждена от них, от экономики в целом. Экономические подсистемы наделены единственной функцией – быть ресурсом для бюрократических групп в их движении по бюрократической иерархии. Проще говоря, всякий бюрократ действует и принимает решения, исходя не из нужд производства,



а из задач, связанных с собственным статусом в бюрократических институтах. И если раньше, когда жесткая бюрократическая система только складывалась, деятельность ее элементов имела неоднозначный характер и отчуждение не становилось экстремальным, не приводило к острым негативным последствиям, то сегодня ситуация изменилась в худшую сторону.

Возникает вопрос: а как же другие участники производственного процесса? Может быть, пусть каждая структура выполняет свою функцию? Бюрократия обеспечивает связность системы, а другие участники реализуют цели, связанные с общественной функцией материального производства, в котором они заняты? Но проблема заключается в том, что сам процесс обретения власти, понимаемой как право распоряжения ресурсами, заключается в отчуждении всех других групп от этого права, его узурпации. И чем более цели и задачи господствующих в обществе групп расходятся с целями и задачами, обусловленными общественной функцией того или иного института, тем более экстремально осуществляется описанная узурпация. Ситуация выглядит следующим образом: пока интересы господствующей группы в целом коррелируют с интересами конкретного института, конфликта интересов с другими людьми и группами, занятыми в рамках этой структуры, не происходит. Но как только интересы господствующей группы начинают существенно «уходить в сторону», возникает и постепенно обостряется конфликт между ней и другими группами, продолжающими действовать в рамках институциональных ценностей и норм. В этом случае первой и самой простой реакцией господствующего класса или группы становится все более экстремальная узурпация своих властных прав (присвоение ими распределенных ранее на других уровнях прав управления) с тотальным отчуждением от них других групп, что выражается в углубляющейся централизации управления.

Таким образом, господствующая в обществе группа монополизирует свою власть и, как уже было сказано, отчуждает от какого-либо участия в управлении и организации процесса труда любые другие группы, задействованные в производственном процессе. Например, в стране были выведены в маргинальную зону и практически уничтожены любые профсоюзы, кроме так называемых «официальных», давно и глубоко укорененных в самой бюрократической системе. Роль и влияние трудовых коллективов были также ликвидированы посредством внедрения целого ряда мер, в том числе и контрактной системы найма, введенной Декретом Президента Республики Беларусь № 29 от 26 июля 1999 г. «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины», обеспечивающей администрации абсолютное господство на предприятиях и в организациях: она может с легкостью и без объяснения причин уволить любого сотрудника (не перезаключить с ним контракт), что при «ручных» профсоюзах оборачивается тотальным бесправием работника. Парадоксально, но эта ситуация провоцирует бесправие и отчуждение в куда большей степени, чем в обычных капиталистических системах. И это в государстве, объявившем себя социальным!

Но наша задача состоит не в том, чтобы бичевать социальные пороки, а в том, чтобы продемонстрировать корни кризисных явлений в экономической сфере. Сегодня все социальные группы, участвующие в общественном производстве, отчуждены от этого самого производства, в первую очередь в плане какого-либо влияния на его порядок, организацию и конкретные цели. И происходит это в ситуации, когда система назначений на административные посты в полной мере стала монополией бюрократической иерархии. Продвижение по властно-бюрократической вертикали стало единственным способом назначения на руководящие должности в любых областях экономики, культуры или науки. Естественно, продвижение по карьерной лестнице обуславливается социализацией именно в рамках бюрократической системы, получения соответствующих навыков – профессиональная компетенция назначенцев в тех сферах, которыми они призваны управлять, как правило, не обязательна. Более того, бюрократическая система в принципе не может заниматься самоконтролем. Попытка проконтролировать себя нивелируется правилами бюрократических взаимодействий, где любая проверка или комиссия является частью той же бюрократической системы и попросту не может осуществлять свою деятельность нелицеприятно. Впрочем, под

лицами тут имеются в виду даже не персоны, а должности. Любой бюрократ, будучи членом контрольного органа (комиссии), в своей работе будет руководствоваться не интересами, например производства, а интересами, связанными с его местом в бюрократической иерархии. И он, скорее, не захочет получить ярлык человека «неудобного», склочного, кляузника, нежели поставит во главу угла интересы дела и выступит с резкой критикой, как бы она ни была необходима.

Можно сделать вывод о том, что одним из важнейших факторов кризиса белорусской экономики стали процессы отчуждения всех социальных групп, участвующих в общественном, в частности материальном, производстве (начиная от управленцев и заканчивая простыми рабочими), от самого процесса производства. То есть проблема в том, что пока трудящимся зарплату платят вовремя, им абсолютно безразлична ситуация на производстве.

Вывод о том, что бюрократическая вертикаль, осуществляющая управление производством, утрачивает способность к самоконтролю, налаживанию обратных связей и в конечном счете выполнению своих функций, не является секретом для ученых и всевозможных экспертов. Однако он явно и не артикулируется. Скорее, мы приходим к нему неосознанно, по результатам наблюдений за экономическими реалиями. Это видно по тому, какие рецепты выхода из кризиса предлагают специалисты. Суть проектов как раз и заключается в том, чтобы преодолеть такое отчуждение. К сожалению (хотя это и вполне объяснимо), предлагается, казалось бы, простой, классический путь рыночников к преодолению отчуждения – через интерес частного собственника-предпринимателя. В общем-то, подобный подход базируется на классическом либеральном убеждении в том, что собственник предприятия именно потому, что он им является, не отчужден от производства с точки зрения целей общественного производства.

И на самом деле, в какой-то степени (за счет активности частного собственника) некоторая иллюзия преодоления отчуждения появляется, во всяком случае в рамках либеральной экономической теории. Однако в современном мире ситуация куда сложнее. Цели предпринимателя-капиталиста вовсе не совпадают с целями общественного производства, и в этом смысле частный собственник столь же отчужден от него, как и управляющий государственным предприятием. Как замечает К. Маркс, «...первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство своего собственного могущества и обладает в нем видимостью человеческого существования» [3, с. 39]. Это отчуждение связано с тем, что цели экономической деятельности капиталистического предпринимателя вовсе не состоят в совершенствовании общественного производства, обеспечении общества продуктами этого производства и т. п. Частный собственник заинтересован в получении максимальной прибыли, а вовсе не в удовлетворении потребностей людей, для чего в родном смысле и осуществляется материальное производство. И если на заре и в эпоху расцвета капитализма интерес частного собственника не препятствовал, а даже способствовал общественному интересу в целом, что, собственно, и послужило возникновению мифа о «невидимой руке рынка», которая, по словам американского антрополога М. Сахлинса, совокупность частных грешков превращает в общественное благо, то сегодня все чаще частный интерес направлен против общественных интересов, что с особенной очевидностью можно наблюдать в условиях постсоветского пространства. Наиболее тривиальным и распространенным примером стало уничтожение производства и продажа по частям основных фондов ради быстрого получения дохода с приватизированного предприятия. Есть множество других примеров, связанных со сверхэксплуатацией основных фондов без их воспроизводства и иной подобной деятельностью, в которой стремление к прибыли приходит в противоречие с интересами общественного производства.

Впрочем, современная ситуация в мировой экономике, с ее чудовищными диспропорциями в пользу финансового сектора, демонстрирует ту же тенденцию. Если до середины XX в. объем финансовой сферы составлял 10–15 % от совокупного производства, то уже в 1980 г. мировые финансовые активы были примерно равны мировому ВВП (12 и 10 трлн долл. США). К 2007 г. они составляли 195 трлн долл. США и с учетом вторичных деривативов объем финансовых активов превышал мировой ВВП в 12 раз [4]. Неудивительно, что многие крупнейшие

мировые компании, претерпевая в ситуации мирового кризиса серьезные убытки в профильных, производственных структурах, получают прибыль именно в своих финансовых подразделениях. Это означает, что основная часть мирового оборота не имеет никакого отношения к воспроизводству материальной жизни людей. Деятельность по получению прибыли в существенной части разошлась с деятельностью по воспроизводству материальных оснований существования общества и, более того, угнетает ее.

Также необходимо учитывать, что фигура предпринимателя как социального типа – доминирующего, определяющего лицо эпохи, во многом героического, сложившаяся в рамках классической либеральной парадигмы, в существенной степени поблекла с развитием капитализма. Начиная с середины XX в., с революции менеджеров<sup>1</sup>, фигура предпринимателя все более отступала с позиций, характеризующих лицо современного мира, в нишу малого бизнеса. Вероятно, отсюда идет страстная любовь современного либерализма к малому предпринимательству, ибо «своего человека» они находят сегодня только в этой сфере. Однако невозможно одновременно утверждать, что определенный тип человеческих отношений не просто доминирует, но и осваивает все новые сферы (в социальном, географическом плане), и при этом наблюдать, как человеческий тип, который и воплощает собой означенные общественные отношения (способы человеческих взаимодействий, говоря социологическим языком), на самом деле все менее присущ «героям нашего времени». В этом заключается своего рода трагедия классического либерализма.

Но вернемся к революции менеджеров. Сегодня сложные разделенные формы собственности на основные средства в капиталистической экономике позволяют говорить о совокупном капиталисте. Причем непосредственно функции управления осуществляют наемные менеджеры, по отношению к которым идеология «хозяина», преодолевающего отчуждение за счет своего непосредственного владения, никак не работает (попытки решить эту проблему за счет временной передачи пакета акций к ожидаемым результатам не привели). Можно утверждать, что путь преодоления отчуждения, хотя бы в сфере управления материальным производством по классическому либерально-буржуазному рецепту, на самом деле не действенен, ибо современный капитализм существенно отличается от капитализма прошлого. Соответственно, и полагать, что способом повальной приватизации можно преодолеть проблемы организации и управления в экономической сфере в целом и материальном производстве в частности, попросту наивно.

Кроме того, нужно понимать, что даже иллюзия преодоления отчуждения в системе частного предпринимательства создается за счет углубления отчуждения наемных работников, т. е. основной массы трудящихся в сфере общественного производства, так как частный собственник, присваивая средства труда в форме капитала, отчуждает от них всю массу трудящихся. В конечном счете либеральный выход из описанной ситуации – путь через приватизацию и частнособственническую инициативу – есть попытка выйти из него через регресс, повышение энтропии в системе. То, что данный путь иллюзорен, мы можем наблюдать на примере украинского общества, которое наиболее далеко зашло по этому пути.

Возможен ли иной путь преодоления отчуждения людей от своей собственной деятельности в сфере материального производства, отличный от классических либеральных рецептов? На этот вопрос можно ответить положительно. Речь идет о другом, негэнтропийном, пути преодоления отчуждения, который заключается в прямом преодолении его за счет максимального и прямого участия трудящихся в управлении и организации тех сфер общественного производства, в которых они заняты. Факты экономической истории подтверждают это. И в эпоху индустриализации в СССР, и в эпоху так называемого «японского экономического чуда» за счет существенного снижения отчуждения работников от своего труда удалось совершить серьезные прорывы с точки зрения экономической эффективности производства. В СССР это были социалистические механизмы, связанные с новым местом и ролью рабочего класса в обществе, а в Японии – специфические институты, опирающиеся на традиционные социальные формы общезнания.

<sup>1</sup> Впервые описана Дж. Бёрнемом в книге «Революция менеджеров», опубликованной в 1947 г.



Но в обоих случаях механизмы были некапиталистическими, т. е. базировались не на голой продаже рабочей силы и чисто экономических отношениях, а на отношениях личного характера, за счет которых и преодолевалось отчуждение наемного работника от процесса и результатов производства.

Тем не менее либералы-рыночники, в частности К. В. Рудый, понимая, что «для нового экономического рывка необходимы общественная энергия, морально-психологическая мотивация, вдохновение, нацеленное не столько на исполнение поручений, сколько на созидание, создание нового в экономике», считают, что зарядить «новой большой идеей, которая бы объединила весь социум» необходимо не все население страны, не всех граждан Республики Беларусь, а лишь «наиболее креативную часть общества (ученых, предпринимателей, госаппарат)» [5, с. 33]. Но мировой опыт показывает, что в современных условиях экономический рывок возможен только как результат активности всего общества, итог преодоления отчуждения от своей трудовой деятельности всех групп трудящихся, задействованных в первую очередь в сфере материального производства. Ставка же на некое креативное меньшинство – а история развития постсоветских стран это демонстрирует с особенной отчетливостью – ведет к расколу и в конечном счете развалу общества, т. е. к ситуации, когда разговор об экономических рывках уже теряет всякий смысл.

Поэтому, когда мы говорим об экономике современной Беларуси и стран постсоветского пространства в целом, то имеем в виду возможность и необходимость рабочего участия в управлении. Оно должно быть обеспечено на всех стадиях планирования и реализации процесса производства, предполагать контроль над действиями администрации предприятия и, конечно, право рабочих защищаться от необоснованных санкций и увольнений. Впрочем, речь не может идти исключительно о рабочем участии. Скорее всего, имеет смысл говорить о возвращении важной роли трудовых коллективов в целом и участии их в контроле над процессом производства.

Объективная потребность и реалистичность возрождения такого участия и контроля обусловлена прежде всего необходимостью прорыва в экономике за счет совокупного человеческого потенциала основной массы трудовых ресурсов, а не отдельных лиц, будь то успешный лидер, руководитель, профессионал-бюрократ, новатор-предприниматель или высококвалифицированный рабочий. Кроме того, повышение социального статуса и социально-психологического самочувствия работников всех сфер общественного производства могло бы, с одной стороны, обезопасить от всяческих серых схем по выводу средств из предприятия в ходе коррупционных действий, а с другой – выступило бы действенным механизмом купирования проблем, связанных с бюрократическими формами управления экономикой. При этом снижение внимания к производствам индустриального типа за счет якобы скорого перехода на экономику пятого и шестого укладов и, соответственно, надежда на массовое появление инициативных работников нового типа в сферах био- и нанотехнологий в достаточно среднесрочном будущем опасны и более чем наивны. По мановению волшебной палочки ничего не произойдет, поэтому традиционные способы преодоления отчуждения, опыт осуществления которых страна приобрела еще в советское время, вполне уместны и реализуемы. Это прежде всего усиление роли трудовых коллективов и профсоюзов.

Понятно, что в такой ситуации представители трудовых коллективов вступали бы в конфликты и с коррупционерами в администрации, и с бюрократами, которые почувствовали бы в деятельности трудящихся покушение на их власть. С этим связана необходимость защиты работников от необоснованных санкций и увольнений. К сожалению, современные «официальные» профсоюзы такой защиты обеспечить не могут, сделавшись за последние постсоветские десятилетия частью бюрократической системы. При этом и «независимые» профсоюзы, какими бы благородными целями не руководствовались, в борьбе с бюрократией политизировались, став элементом оппозиционных структур. Поэтому наиболее эффективной формой избавления от отчуждения в процессе труда и продуктов производства было бы делегирование прав самим трудовым коллективам предприятий.

Подобные институциональные изменения могли бы повысить эффективность не только индустриального производства, но и других подсистем общественного производства, например науки, где роль коллективов ученых решительно снижена в пользу администрации, а также других сфер, имеющих социальную значимость, таких как медицина или образование.

Хотелось бы обратить внимание на то, что подобные формы были присущи не только СССР или традиционалистским обществам Востока. С середины XX в. рабочее участие широко распространилось в Западной Европе. Речь идет о таких организационных структурах, как производственные комитеты во Франции, созданные в 1945 г. и модифицированные в 1950 г.; советы предприятий, организованные в ФРГ в соответствии с законами 1951 и 1952 гг.; послевоенные консультативные советы в Великобритании. Впрочем, расцвет подобных форм рабочего участия пришелся на 1960–80-е гг.

Для преодоления негативных последствий отчуждения рабочих в процессе труда был разработан целый комплекс мер, получивших название «гуманизация труда». В их числе были меры «по увеличению количества выполняемых операций, обогащению содержания труда, перемене труда, ориентированных на уменьшение его дробности и увеличение осмысленности; создание бригадных методов труда, консультационных советов или рабочего участия в управлении, групповых премий и участия в прибыли предприятия, направленных на снятие социального отчуждения и усиление интеграции, улучшение конвейерной техники, введение подвижного графика работы, введение программы “Я сам руковожу своей работой”, позволяющих рабочему самому проявлять инициативу, принимать решение, быть более свободным и независимым в труде» [4, с. 97–98].

Забвение и упадок подобных форм организации труда рабочих, по общему мнению, связанный с приходом неоконсервативной и неолиберальной парадигм в политике и управлении, вызван в первую очередь тенденциями «смерти трудового общества» на Западе. Они были обусловлены вывозом существенной доли промышленности в страны третьего мира и архаизацией низкоквалифицированного труда в сфере услуг. Вряд ли в рамках статьи стоит описывать все аспекты «смерти трудового общества» – хотелось бы только заметить, что статус рабочих профессий кардинально потерял в своей значимости. Работу в промышленности трудящиеся стали воспринимать как нечто временное, способ дожидаться чего-то подходящего, как жизненную неудачу. Исчезли всякая гордость рабочей профессией, представление о ее социальной значимости. Естественно, у людей попросту пропал интерес к активному участию в производстве и в целом к активной социальной жизни, с точки зрения самоидентификации себя как части рабочего сообщества. С другой стороны, и господствующие классы общества потеряли интерес к рабочим как социальной общности в условиях все того же вывоза существенной доли промышленности в бедные страны, отказавшись от отягощающих мер по гуманизации труда и рассматривая общество по другим критериям, не дифференцирующим рабочих как самостоятельный социальный класс.

Нужно также иметь в виду, что все сказанное нами относится не только к рабочим, но и к специалистам, технологам и инженерам. Существует даже мнение, что утрата популярности инженерных профессий в промышленности обусловила современную технологическую стагнацию. Однако ситуация на постсоветском пространстве и, в частности, в Республике Беларусь существенно иная. Тенденции «смерти трудового общества» вовсе не получили такого развития, которое наблюдается на Западе. Данные социологических опросов позволяют полагать, что рабочий класс все еще остается важным субъектом социальных отношений. Рабочие уважают свой труд, осознают его социальную значимость, и эта установка тем более развита, чем более крупным и технологичным предприятием является место, где они работают.

Таким образом, с социально-технологической точки зрения нет никаких принципиальных преград на пути реализации подобных методов преодоления отчуждения труда, в первую очередь в промышленности, а в целом – во всех сферах общественного производства. Методы уже были разработаны, прошли многолетнюю апробацию в разных странах Запады и в СССР, продемонстрировали свои сильные и слабые стороны, которые в случае чего могут быть купированы.

К сожалению, на пути подобного реформирования имеются значительные трудности, в первую очередь социального характера. Речь идет о том, что целые социальные группы, причем высокостатусные, с большой долей вероятности будут готовы выступить против реализации описанной программы. Это и бюрократия, вряд ли желающая расстаться со своими властными полномочиями, и местная буржуазия, стремящаяся получить максимальную прибыль и в любой момент способная вступить в конфликт с общественными целями производства. Впрочем, это и вся инерция реформ последних десятилетий, которые ориентировались на нелепое, но распространенное представление о том, что эффективным может быть только действие частного предпринимателя – собственника, а любые формы государственного управления должны обязательно имитировать частнособственнические отношения. Однако все более обостряющийся кризис показал, что подобное направление реформирования является тупиковым и лишь в осознании этого и решительной государственной воле находится источник преодоления современных экономических проблем.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. Рудый К. В. Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси. Минск, 2016.
2. Мясникович М. В. Эволюционные трансформации экономики Беларуси. Минск, 2016.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 2.
4. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Анатомия кризиса: пределы рынка и капитала // Главная книга о кризисе / ред.-сост. А. В. Бузгалин. М., 2009.
5. Рудый К. В. Структурные экономические реформы: необходимость для Республики Беларусь и зарубежный опыт // Белорус. эконом. журн. 2015. № 1. С. 30–41 [Rudyi K. V. Strukturnye ekonomicheskie reformy: neobkhodimost' dlya Respubliki Belarus' i zarubezhnyi opyt. *Belarus. econ. J.* 2015. No. 1. P. 30–41 (in Russ.)].

*Статья поступила в редакцию 16.04.2016.  
Received by editorial board 16.04.2016.*